

ПАМЯТИ ПРОФ. В. С. СЕРГЕЕВА

В январе этого года исполнилось десять лет со дня смерти выдающегося советского ученого, историка-марксиста, лауреата Сталинской премии, доктора исторических наук, профессора Владимира Сергеевича Сергеева. Имя его известно не только нашим античникам, многие из которых являются его учениками. Тысячи студентов знакомы с историей античности по его книгам, десятки тысяч читателей знают его главы в «Истории дипломатии», посвященные дипломатии древнего Востока, Греции и Рима. Работы В. С. Сергеева всегда привлекают глубоким знанием источников и современного состояния вопроса, вместе с тем самостоятельностью мысли, живостью изложения, яркостью характеристик, что делает их не только настольными книгами всякого советского античника, но и необходимыми для каждого, желающего ознакомиться с античной историей и культурой.

Круг научных интересов В. С. Сергеева был весьма широк. Считая основной областью своих исследований историю древнего Рима, этот исключительно талантливый ученый активно занимался не только близкой древнему Риму историей древней Греции, но и написал ряд работ даже по новой и новейшей истории Европы. Больше всего, однако, внимания он уделял истории древнего Рима, из которой его особенно интересовали реформы Гракхов, различные вопросы, связанные с периодом гражданских войн в Риме, история христианства, возникновение, природа и гибель поздней империи.

Принадлежа к передовым слоям русской дореволюционной интеллигенции, В. С. Сергеев после Великой Октябрьской социалистической революции принял самое активное участие в политпросветработе и быстро и успешно преодолевал в своем мировоззрении наследие буржуазного прошлого. Особой заслугой В. С. Сергеева надо считать тот факт, что еще в двадцатых годах, когда господство «школь» Покровского

так пагубно отражалось на изучении истории докапиталистических формаций, он указывал на необходимость изучения древней истории и сам продолжал ею заниматься. Снова и снова указывал он ¹, что нельзя изучать исторический процесс без изучения античности, что на ее материале могут быть поставлены и разрешены важнейшие вопросы о законах общественного развития и о взаимосвязи различных общественных явлений, что только углубленное исследование всех особенностей древности дает нам в руки оружие для борьбы с буржуазными теориями, проповедующими пессимизм, неизбежность регресса в истории, вечность капитализма и т. п. Он показывал, какое значение приобретают эти теории в современной классовой борьбе, почему такой успех среди буржуазной интеллигенции и даже специалистов имели работы Пельмана, Шпенглера и Эд. Мейера. «В великой социальной борьбе, — писал он, — которая в настоящее время развертывается на всем земном шаре, старый мир мобилизует все, в том числе и историю и социологию»².

В. С. Сергеев останавливался подробно на этом вопросе в статье, написанной по случаю смерти Эд. Мейера ³. В этой работе он ярко показал, как, начиная с Возрождения, античная историография была одним из участков политической борьбы на идеологическом фронте и использовалась в политических и классовых интересах; как «античность оказывалась одним из наиболее подходящих отделов мировой истории для построения и проверки всякого рода историко-философских схем и политических концепций». Он показал, как в работах Эд. Мейера отразилась идеология буржуазная концепция Бисмарком, как затем вырабатывалась мейеровская пессимистическая концепция циклизма, когда крах Бисмарка и его политики поверг в ужас эти круги немецкой буржуазии, и, наконец, как идеи Эд. Мейера сомкнулись с идеями фашизма.

Это отношение В. С. Сергеева к древней истории, как к одному из важнейших участков идеологического фронта, особенно ценно и важно для нас, советских античников, живущих и работающих в период все большего обострения всех противоречий империалистического лагеря, когда американские реакционеры апеллируют то к Цезарю, то к Цицерону, то к Периклу, то к Августу для защиты своих псевдодемократических или явно фашистских идей.

Правда, на раннем этапе своей работы, в двадцатые годы, В. С. Сергеев еще был под влиянием модернизаторских идей западноевропейских ученых и печальной памяти рассуждений о «торговом капитализме» М. Н. Покровского. С этих ошибочных позиций он подошел тогда к составлению хрестоматии по истории древней Греции и древнего Рима. Однако документальный материал, подобранный В. С. Сергеевым, находился в явном противоречии с тем ошибочным толкованием, которое предлагал автор. Противоречие не могло не броситься в глаза прежде всего самому В. С. Сергееву, горячо стремившемуся к полному овладению марксизмом и к боевому его применению. Последующие работы свидетельствуют об этом. Каждая из них являлась, с одной стороны, этапом роста В. С. Сергеева как историка-марксиста, а с другой — соответствующим вкладом в дело марксистской разработки вопросов античной истории.

В двадцатые годы В. С. Сергеев, видимо, под влиянием Р. Ю. Виппера, придавал еще излишнее значение развитию торгово-денежных отношений в Риме и, в соответствии с этим, определял весь период от конца Пунических войн до конца Империи как время господства «торгового капитализма». Он считал тогда, что Пунические войны дали толчок развитию римского капитализма, так же как открытие Америки — капитализма европейского. В Цезаре и последующих императорах он видел «демократических монархов» бонапартистского типа, действовавших в интересах то «левого», то

¹ См. введения к его книгам: «История древнего Рима», Л., 1922; «Мировые кризисы. Гражданская война в древнем Риме II—I вв. до н. э.», Иваново, 1924; «Рабовладельческие общества», М., 1924 и 1925; «История древнего Рима», Л., 1925.

² «Феодализм и торговый капитализм в античном мире», М., 1926, стр. 8.

³ «Историк-марксист», № 21, 1931, стр. 104—114.

«правого» крыла «буржуазной демократии». Кризис III в. он объяснял финансовой катастрофой, вызванной отливом золота за границу и порчей монеты.

Однако, сколь ни значительными покажутся такие ошибки с нашей современной точки зрения, они ни в коей мере не были связаны с какой-либо общей порочной, модернизаторской концепцией В. С. Сергеева, как это имеет место у буржуазных ученых. Ошибки, допускаясь В. С. Сергеевым в его работах 20-х гг., носят обычно, если можно так выразиться, терминологический характер.

Называя римскую торговлю капитализмом, публиканов — капиталистами, ремесленников и лавочников — мелкой буржуазией, а античный люмпенпролетариат — пролетариатом, В. С. Сергеев постоянно подчеркивал принципиальное различие всех этих категорий в Риме и в современном буржуазном обществе. Уже в одной из самых ранних своих статей, написанной в августе 1917 г.¹, указывая на роль войны в развитии экономики Рима, в частности, на рост «капитализма», накопления богатств немногими и пауперизации масс, В. С. Сергеев отмечал, что этот рост шел не путем органического развития, как в современном капитализме, а в результате механического прилива огромной военной добычи извне. В другой работе² он подчеркивал разницу между античным и современным пролетариатом. Эту же мысль он развивал в своей работе о гражданских войнах в Риме, изданной в 1924 г. Он указывал, что римский пролетариат, не будучи объединен в процессе производства, не имел классового самосознания, шел за авантюристами типа Катилины и Клодия, действовал бунтарски, и потому аналогии с современными движениями совершенно ошибочны; социализм в древности был невозможен, так как античное общество базировалось на рабовладельческой основе. «Те ученые, — пишет он, — которые не считают возможным говорить о прогрессе в сфере социальной борьбы нового времени по сравнению с античностью, повидимому, не желают понять самой природы социальной борьбы в античности»³. Эти слова, направленные против Пельмана, вполне применимы и к современным американским античникам. Признавая большую роль античной торговли и ростовщичества, В. С. Сергеев подчеркивал, что «аграрный вопрос остался как при республике, так и при империи, основным содержанием римской истории»⁴.

Не поддался В. С. Сергеев и характерной для печальной памяти «школы» Покровского чрезмерной социологизации. Он всегда иллюстрировал свои положения конкретным материалом; говоря о какой-либо социальной группировке, давал характеристики наиболее ярких ее представителей (например, Катона, Красса, Цицерона, Трималхиона и др.). «Ученые, — писал он, — обычно сводят историю к абстракциям и логическим схемам, но, чтобы понять эпоху, надо понять ее индивидуальную и массовую психологию»⁵.

Много внимания в тот период своей работы В. С. Сергеев уделял Гракхам. Он рассматривал их деятельность в связи с настроениями спиноновского кружка и доказывал, что их неудача была неудачей всей умеренной аристократической группировки, пытавшейся повернуть ход исторического развития вспять, приостановив концентрацию земли. Он совершенно правильно ставил движение Гракхов в связь с восстаниями рабов, показывая, как страх перед движениями рабов толкал умеренную аристократию на путь реформ. Установление этой связи — чрезвычайно важный шаг в изучении истории гражданских войн в Риме.

Уже в первый период деятельности В. С. Сергеева основное его внимание привлекала скорее империя, чем республика. Большой его заслугой является то, что он постоянно указывал на первостепенное значение концентрации земли, приводя много соответствующих фактов и, между прочим, подробно анализируя веллейскую таблицу.

¹ «Римский капитализм и сельское хозяйство», «Научные известия», Сб. 1. Экономика, История, Право», М., 1922, стр. 149—185.

² «История древнего Рима», Л., 1922.

³ «История древнего Рима», Л., 1925, стр. 67.

⁴ Там же, стр. 160.

⁵ «Мировые кризисы», вып. II, М., 1924, стр. 152.

Он подчеркивал, что процветание при империи даже в «счастливый век» Антонинов было лишь кажущимся, что народные низы всегда подвергались жестокой эксплуатации, и, в связи с этим, обращал большое внимание на движения масс, подробно описывая восстания багаудов и циркумцеллионов. Он придавал большое значение упадку производительности труда и связывал с ним прикрепление рабочей силы, тогда как обычно западноевропейские ученые видели в закреплении колонов лишь плод налоговой политики государства.

С течением времени В. С. Сергеев отказался от своих первоначальных установок о капитализме в Риме. Успехи советской исторической науки, новые высказывания товарища Сталина, постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о преподавании истории помогли ему изжить то влияние «школы» Покровского, которое, в известной мере, чувствовалось в его ранних работах. В связи с введением в 1934 г. преподавания истории в средней школе и в вузах, перед советскими историками древнего мира во весь рост стала задача марксистско-ленинской разработки всего процесса исторического развития в древности. Почетную роль в этом деле сыграл В. С. Сергеев, перу которого принадлежали вузовские учебники по истории древней Греции и Рима. В 1935—1938 гг. в исторических журналах появляется ряд его статей по узловым проблемам истории древнего Рима и Греции, которые вошли затем, с некоторыми изменениями, в его широко известные и пользующиеся заслуженной славой учебники.

В статьях тридцатых годов сохранились еще некоторые пережитки прежних взглядов В. С. Сергеева в смысле некоторой переоценки роли торговцев и ростовщиков как во время республики, так и во время империи. Он считал тогда, что основным содержанием истории конца республики была борьба между земельной и денежной аристократией — сенаторами и всадниками, что победа Цезаря была победой дельцов, нажившихся на галльской добыче, и что они же оставались вместе с армией главной опорой империи¹.

В тех же статьях В. С. Сергеев отчасти предвосхищает выводы последующих исследований советских историков о римских «партиях», останавливаясь на огромной роли клиентелы в политической жизни конца республики. Он высказывает интересную мысль, что законы о хлебных раздачах плебсу преследовали цель оторвать эту клиентелу от знатных домов и тем ослабить их влияние.

В этих же статьях В. С. Сергеев, правильно отмечая громадное значение войн в древности, отказывается от своей ранней точки зрения, что одни только войны определяли колебания римской экономики, и подчеркивает, что концентрация земли, рост рабовладения и разорение крестьян были результатом внутреннего процесса развития, только ускоренного войнами III—II вв. до н. э. С этой точки зрения он рассматривает и деятельность Гракхов. Весьма интересно освещает В. С. Сергеев в эти годы и диктатуру Суллы, которую он считает важнейшим этапом на пути образования римской империи. Он пишет, что если Сулла субъективно преследовал реставраторские цели, то объективно он заложил основы новой организации, предвосхищавшей организацию Цезаря и Августа; он опирался на армию и пытался унифицировать италийский муниципальный строй, чтобы сделать своей опорой не только римских, но и италийских рабовладельцев, усиленных преданными ему ветеранами. Его сенат, магистраты и центуриатные комиции были предшественниками бюрократического аппарата империи. Такая характеристика деятельности Суллы более справедлива, чем резкое и полное противопоставление Суллы Марию и последующим вождям популяров.

Несколько противоречиво отношение В. С. Сергеева к движению Катилины². С одной стороны, он указывает на его авантюризм, на пестроту его сторонников, кото-

¹ См. его статьи: «Кризис республики», «История в средней школе», № 4, 1935, стр. 6—27; «Римская империя», там же, № 5, 1935, стр. 8—28; «Гражданская война в Риме в конце республики», «Борьба классов», № 9, 1936, стр. 90—101; «Эпоха военных диктатур в конце республики», там же, № 8, стр. 85—97; «Триумvirат и диктатура Цезаря», ИЖ, № 5, 1937, стр. 95—109.

² «Заговор Катилины», ИЖ, № 2, 1937, стр. 86—96.

рых соединило лишь стремление к кассации долгов, на ненадежность люмпенпролетариата; с другой — он изображает Катилину истинным другом плебса и считает, что его поражение оказалось роковым для демократии, ставшей с тех пор орудием в руках военных диктаторов. Эта двойственность объясняется тем, что ни тогда, когда писал В. С. Сергеев, ни до настоящего времени, на движение Катилины не установилось в нашей историографии более или менее общего взгляда, несмотря на значительное число работ, посвященных этому вопросу. Вероятно, что-либо новое в его разрешении будет внесено лишь при новом подходе к нему, например, при тщательном исследовании состава плебса в этот период и установлении различных его прослоек.

Очень яркую характеристику дает В. С. Сергеев Цезарю, как человеку и государственному деятелю, достаточно выдающемуся, чтобы понять задачи своего времени, но колеблющемуся между различными социальными группами и не нашедшему себе прочной опоры ни в одной из них. В. С. Сергеев совершенно справедливо указывает на муниципальную политику Цезаря, как на главную часть его деятельности, что теперь прекрасно подтверждено детальным анализом монет того периода. Цезарь, пишет В. С. Сергеев, погиб, так как не имел опоры в аристократии, разошелся с плебсом, а составлявшая главную опору империи муниципальная аристократия еще не окрепла.

Много внимания уделяет В. С. Сергеев восстаниям рабов в период республики¹. Он указывает, что империя создавалась как для объединения средиземноморского бассейна, так и для подавления движения рабов и провинциалов, распатавших рабовладельческое государство в конце республики.

Та же мысль, что империя всегда оставалась организацией землевладельцев и всадников для подавления эксплуатируемых классов, высказывается и в последующих работах В. С. Сергеева о принципате Тиберия и о позднеримской империи². Он ярко описывает состояние империи при династии Юлиев — Клавдиев и, в частности, при Тиберии, останавливаясь на многочисленных волнениях рабов, солдат, провинциалов, и показывает, как необходимость подавления этих движений повлияла на укрепление императорской власти, иногда, возможно, и вопреки субъективным взглядам отдельных принцев и оппозиции части республикански настроенной знати.

Несколько в слишком общих чертах рисует В. С. Сергеев армию. Он неизменно повторяет, что армия состояла из варваров, деклассированных элементов, рабов³, и видит в ней только чисто военную силу. Между тем состав армии постепенно менялся, но почти всегда и почти во всех провинциях армия была тесно связана с населением и представляла интересы определенных общественных слоев. Недооценка роли армии как социального фактора заставляет В. С. Сергеева и несколько односторонне трактовать кризис III в. только как результат децентрализаторских стремлений провинций в силу роста их экономической самостоятельности, хотя он совершенно правильно указывает на рост предфеодалных элементов в экономике. Исследование их возникновения и роста составляет большую заслугу В. С. Сергеева, собравшего очень большой материал и давшего ему марксистское освещение. Очень подробно и интересно характеризует В. С. Сергеев разложение рабовладения, рост отщепенничества, перевод рабов на пекулий, колонат, императорские и частные сальтусы поздней империи. Очень метко определяет он последние годы ее существования как историю «высвобождения феодальных элементов из-под оболочки рабовладельческого государства».

¹ «Революции рабов в Римской республике», «Борьба классов», № 6, 1935, стр. 86—95.

² «Принципат Тиберия», ВДИ, № 2, 1940, стр. 78—95; «Очерки по истории позднеримской империи», «Историк-марксист», № 3 и 5, 1938, стр. 52—79 и 97—128; «Разложение рабовладельческой системы и начало колоната в Римской империи», ВДИ, № 3, 1938, стр. 117—132.

³ Это предположение совершенно невозможно, так как ни рабы, ни вольноотпущенники, за исключением особенно катастрофических положений, как, например, при войнах Марка Аврелия, в армию не допускались.

Большое внимание В. С. Сергеев всегда уделял культуре, дав в своих работах целый ряд живых и ярких характеристик отдельных деятелей, как представителей тех или иных направлений. Особенно много места он отводил истории христианства. Христианству были посвящены особые главы в его ранних работах; о христианстве В. С. Сергеев писал и в специальных статьях¹⁴. В первый период своей научной деятельности В. С. Сергеев обращал внимание на изучение раннего христианства. Он подчеркивал, что христианство I—II вв. было идеологией недовольных, задавленных нуждой масс и интеллигенции, страдавшей из-за своей зависимости от богатей и склонной к пессимизму. Большое значение он придавал иудейскому мессиянизму, считая, что Иисус Христос и Иоанн Креститель были странствующими проповедниками и вождями народных масс. В связи с этим он подробно останавливался на критике христианскими существующего строя, на социальных утопиях, повлиявших на раннюю христианскую идеологию, которую он считал, в известной мере, коммунистической. Он видел влияние этих идей и в более позднее время, притом не только у агонистиков, но и у багаудов. В последующее время В. С. Сергеев, поддавшись гиперкритицизму, отрицал все данные о христианстве I в.; основное внимание он обратил не на расхождение между христианами и современным им обществом и государством, а на те пути, по которым империя и церковь шли друг другу навстречу. Он доказывал, что состав общин с самого начала был «мелкобуржуазным», а с течением времени все более плутократизировался, в связи с чем возникла и усилилась церковная организация, основанная на твердой епископской власти, которую укреплял Киприан, и на примате римского епископа. В. С. Сергеев, не обратив внимания на длительную эволюцию христианства, склонен был даже вовсе отрицать гонения на христиан вплоть до Диоклетиана и представлять не только церковь, но и раннехристианские общины такой же рабовладельческой организацией, как империя, которая по мере своего ослабления вынуждена была искать опоры у своей более сильной и счастливой соперницы. В этих положениях имелась известная доля вульгаризации, которая затем была в значительной мере отброшена В. С. Сергеевым в соответствующих главах его «Очерков по истории древнего Рима».

Многолетние труды В. С. Сергеева в области истории древнего Рима нашли свое завершение в капитальной работе «Очерки по истории древнего Рима», вышедшей в 1938 г. Это было первое систематическое изложение римской истории, написанное с последовательно марксистской точки зрения и служившее более десяти лет основным учебным пособием для студентов исторических факультетов университетов и педагогических институтов. Ясность и живость изложения, удачный подбор материала, меткость и яркость характеристик, умение привлечь внимание к основным проблемам истории Рима сделали эту работу очень интересной даже для читателя, впервые знакомящегося с римской историей, и это определило ее успех как учебника, по которому тысячи студентов познакомились не только с историей и культурой древнего Рима, но и с методами исторического исследования. Эта работа В. С. Сергеева важна не только как учебное пособие; целый ряд ее глав совершенно по-новому освещает многие проблемы римской истории с точки зрения учения классиков марксизма-ленинизма. Большой заслугой В. С. Сергеева является то, что в его книге органически связано развитие экономики, политики, права и культуры. Так, например, рисуя положение в Риме в середине II в. до н. э., характеризуя различные социальные группировки, В. С. Сергеев дает яркие характеристики ведущих деятелей того периода — Сципиона и Катона, причем на примере трактата Катона о сельском хозяйстве подробно рисует изменения, происшедшие в сельском хозяйстве, организации ремесла, торговле, характеризует рабовладельческий способ производства и показывает, как новые явления в экономической и политической истории Рима отразились на культуре того времени. Когда

¹⁴ «Христианство в древнем Риме», «Борьба классов», № 5, 1936, стр. 81—93; «Кризис античного мира и христианская церковь», «Историк-марксист», № 6, 1927, стр. 227—236.

в разделе, посвященном истории империи, он говорит о кризисе рабовладения, о нехватке рабочей силы, вызванной этим кризисом, он показывает, как это явление нашло свое отражение в появлении юридической школы, придававшей особое значение труду, ставившей труд работника выше материальных средств производства. На примере истории раннего христианства он показывает, как приближающийся кризис породил всеобщий пессимизм, мистицизм, опустошенность и бездеятельность.

Вторая важнейшая заслуга В. С. Сергеева — его постоянное внимание к классовой борьбе. Он не только освещает все важнейшие восстания рабов, колоннов, свободной бедноты, не только собирает воедино все разрозненные мимолетные упоминания источников о более мелких движениях, о «разбойничьих» отрядах крестьян и рабов, но и отмечает, как эти движения отразились на всем ходе римской истории, чего не желали и не могли сделать буржуазные историки. Так, он показывает, как после восстания Спартака напуганные рабовладельцы пытались изменить способ эксплуатации рабов, как активное и пассивное сопротивление рабов с течением времени заставило собственников переводить их на пекулий, более широко применять труд колоннов, как, таким образом, росли и укреплялись ростки нового строя. Особенно ценным является второй том труда В. С. Сергеева, посвященный империи, — ведь, как мы видели, империя всегда привлекала его особое внимание. Всестороннее знакомство с литературными источниками, эпиграфикой, юридическими источниками и памятниками материальной культуры позволило автору подробно и ярко охарактеризовать социально-экономический строй, культуру империи и ее эволюцию. Много внимания он уделяет поздней империи, обычно мало привлекавшей внимание историков. В противовес многим авторам общих трудов по истории Рима, которые не останавливаются на последних веках существования империи, так как видят в них только период общего упадка, бессмысленных дворцовых интриг, только гниение и умирание, В. С. Сергеев сумел показать, как в самых недрах разлагавшегося рабовладельческого общества вызревали новые отношения. Однако в противовес буржуазным ученым, считавшим складывание феодализма мирным эволюционным процессом, В. С. Сергеев показывает, в какой тяжелой борьбе трудящиеся массы разрушали старую систему.

Таким образом, труд В. С. Сергеева ценен не только как живое и увлекательное изложение истории древнего Рима, но представляет собой цельное исследование о развитии и гибели рабовладельческой формации и о рождении феодализма, с характерными для этого исторического процесса формами классовой борьбы, политической жизни и идеологии.

Книга В. С. Сергеева вызвала широкие отклики в печати. Большинство рецензентов правильно указывало, что эта книга является ценным вкладом в советскую историческую науку, как первое марксистское полное изложение истории Рима, что она написана живо и интересно, благодаря значительным выдержкам из источников и ярким характеристикам, что многие вопросы, особенно в части, посвященной истории империи, являются плодом самостоятельных исследований автора. Часть рецензентов считала большой заслугой автора то, что он показал изменения, происшедшие в экономике Империи, выявил элементы ее феодализации и изменения в самой структуре империи, ставшей из объединения муниципиев объединением сельских территорий. Другие, напротив, резко полемизировали с В. С. Сергеевым, выдвигая положение, что экономика империи осталась до VI в. неизменно рабовладельческой и колонат был лишь модификацией рабства. Последнее положение, понятно, несостоятельно.

Во всяком случае, как бы ни решались все эти спорные вопросы, большой заслугой В. С. Сергеева является то, что он один из первых поставил их во всей широте и подходил к ним как историк-марксист.

* * *

Много сил и внимания уделял В. С. Сергеев и истории древней Греции. В исторических журналах тридцатых годов был опубликован целый ряд его статей, содержанием которых являются узловые проблемы истории древней Греции. Эгейский мир,

греческая мифология, Гомеровская Греция, «Золотой век» Перикла, Пелопоннесская война, эллинистические государства и их взаимоотношения с Римом — такова тематика статей В. С. Сергеева в тридцатые годы, в период напряженной работы над конкретным построением истории древней Греции как истории рабовладельческого общества и над созданием в результате этой проблемы марксистского учебника по истории древней Греции. В каждой из этих статей ему приходилось по-новому, с позиций марксизма-ленинизма анализировать известный материал источников. В яркой, занимательной форме насыщенного умело отобранными фактами повествования В. С. Сергеев успешно преодолел схематизм, свойственный работам историков, находившихся под влиянием покровщины. Характерный для В. С. Сергеева глубокий исторический подход к изучаемой теме, широко разработанный исторический фон, разностороннее исследование проблемы, боевая заостренность при неизменном изяществе и легкости литературной формы обеспечили для этих работ В. С. Сергеева почетное место в истории развития советской науки об античности. В научно-популярной форме он обычно предлагал читателю глубоко научную постановку и разрешение проблем. Эти черты печатных работ В. С. Сергеева, как известно, были свойственны и его блестящим лекциям, увлекавшим самые различные аудитории. Горячим борцом против рутины, ученым-новатором всегда выступал и таким остался в нашей памяти В. С. Сергеев. Его статьи по истории древней Греции наглядно отражают не только успехи самого автора, но и поразительно быстрое развитие советской науки об античности, активным участником которого и был В. С. Сергеев. Иногда и в этих статьях, марксистских по существу, встречаются неточные формулировки, ошибочная терминология. Например, в статье «Греция времен Гомера» В. С. Сергеев пишет: «Во главе родовых поселков стоял родовой старшина (патриархальный царь)»¹. Можно было бы привести и другие примеры подобной неправильной терминологии. Но не в этом основное значение его работ. Применяя марксистский метод исследования, В. С. Сергеев характеризует гомеровское общество, как общество периода разложения родового строя; он подчеркивает, что «основной причиной разложения греческого родового строя явился рост производительных сил, разделение общественного труда и развитие обмена» (там же, стр. 168). Далее эти положения конкретизируются и подкрепляются ссылками на работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

В статье «Золотой век Перикла»² В. С. Сергеев, высоко оценивая этот, по выражению Маркса, период «высочайшего внутреннего расцвета Греции», ни на минуту не упускает из виду рабовладельческий характер тогдашнего общества. Цитируя отрывок из речи Перикла у Фукидида, В. С. Сергеев подчеркивает: «При оценке речи Перикла нельзя, конечно, упускать из виду того обстоятельства, что Перикл высказывал точку зрения определенных классов — верхов афинского полиса, характеризующих лишь внешний блеск афинского рабовладельческого строя и не вскрывая его внутренних антагонизмов» (стр. 74). Характеризуя внутреннюю и внешнюю политику Перикла, его борьбу с обнищанием граждан путем организации общественных работ, вывода клерухий и т. п., В. С. Сергеев заключает: «Но ни клерухии, ни общественные работы ни в коей мере не могли задержать развития внутренних противоречий афинского общества, которые в конечном счете и привели его к гибели» (там же). Продолжением этой статьи является очерк «Пелопоннесские войны» (там же, № 11). Их причины, как показывает В. С. Сергеев, коренились в предыдущем периоде, в так называемом «Золотом веке» Перикла. Война явилась попыткой выхода из противоречий и затруднений, порождавшихся развитием рабовладельческого общества. Обильно цитируя яркие страницы «Истории» Фукидида, В. С. Сергеев и в данном случае набрасывает запоминающуюся картину этого драматического периода. Следует пожалеть, что в статье отсутствует так необходимое для нее заключение. И в этой статье есть неточные формулировки, не выдержана терминология; так, например, В. С. Сергеев говорит здесь о финансистах и промышленниках, которые оказываются сторонниками аван-

¹ «Борьба классов», № 1—2, 1935, стр. 167.

² «Борьба классов», № 10, 1934.

тюриста Алкивиада. В изложении Никиева мира пропущен такой важный пункт соглашения, как обещание афинян помогать своим недавним врагам — спартианам в случае восстания плотов, что характеризовало классовую солидарность рабовладельцев. Однако положительное качество, свойственное работам В. С. Сергеева, — конкретная разработка марксистского построения истории древней Греции — бросается в глаза и в данном случае.

В 1935 г. В. С. Сергеев в статье «Объединение средиземноморского бассейна под гегемонией Рима»¹ специально коснулся проблемы эллинизма. Он отметил роль греко-македонских завоеваний, сложность социально-экономических и политических отношений в эллинистическую эпоху, конгломератный характер эллинистических государств. «В исторической перспективе, — писал В. С. Сергеев, — эллинистические государства представляют пеструю картину всевозможных больших и малых социально-экономических образований — провинций (сатрапий), городов, храмов, поместий и деревень. Помимо основного антагонизма рабов и рабовладельцев, в греко-эллинистических обществах III и II вв. существовала масса противоречий другого порядка. Одной из характерных форм классовой борьбы являлись национальные движения». Здесь ошибочна оценка классовой борьбы эксплуатируемых слоев местного трудящегося населения как «национальных движений». Далее также имеется ошибочное утверждение о том, что «национальные движения» руководились «туземными жрецами», что, как известно, мало соответствовало действительности. Не отмечена и дифференциация жречества на высшее и низшее, а интересы этих прослоек были не одинаковы. В. С. Сергеев подчеркивает ожесточенную классовую борьбу в эпоху эллинизма и большую роль, которую, наряду с рабским трудом, играл труд арендаторов, которых он называет «колонами». В. С. Сергеев отмечает разнообразие местных условий в эпоху эллинизма и приходит к такому заключению: «При слабости внутренних органических связей эллинистические царства представляются скорее военно-политическими, чем экономическими объединениями».

Вышедший в своей первой редакции в 1934 г. учебник по истории древней Греции отличался достоинствами и недостатками статей этого периода и был разработан недостаточно равномерно. Непосредственно после выхода этого учебника в свет В. С. Сергеев приступил к его переработке и усовершенствованию. В последующие годы, преимущественно занимаясь проблемами истории древнего Рима, он опубликовал и две статьи по истории древней Греции, посвященные греческой мифологии и Эгейскому миру. Тематика статей, как и ранее, была связана с подготовкой нового, переработанного и усовершенствованного учебника по истории древней Греции.

Очень содержательна небольшая статья «Греческая мифология»². Статья эта была написана в связи с выступлением товарища Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) 5 марта 1937 г., в котором товарищ Сталин, характеризуя источники силы партии, сослался на миф об Антее. Статья В. С. Сергеева объясняет причины возникновения мифов и изменения их содержания в связи с социально-экономическим развитием. Особенно ценно разъяснение значения мифа как исторического источника. В этой статье В. С. Сергеев подвергает резкой критике реакционные фашистские бредни. Говоря о богатстве греческой мифологии, он обобщает: «Из мифологии мы узнаем, что доисторические греки были такими же варварами, как и все остальные народы, и, следовательно, специфически эллинского „расового гения“ не существует, как это утверждают фашистские антропологи и историки. Последующая блестящая история классической Греции есть результат не „расового гения“, а своеобразного сочетания внутренних и внешних условий, изучение которых и составляет задачу античных историков» (там же, стр. 120).

Большое значение имела статья В. С. Сергеева «Эгейский мир»³. В этой работе В. С. Сергеев обратил внимание на сложную и далеко недостаточно выясненную проблему социальной характеристики крито-микенской эпохи. На основании имевшихся

¹ «История в средней школе», 1935, № 3.

² ИЖ, 1938, № 4

³ ИЖ, 1939, № 6.

в то время данных, он предложил характеризовать ее в основном как вариант рабовладельческого общества древневосточного типа. Эту точку зрения он аргументировал и в вышедшем в 1939 г. вузовском учебнике.

«История древней Греции», изданная в 1939 г., явилась завершением многолетних трудов В. С. Сергеева по конкретной разработке истории древней Греции с позиций марксизма-ленинизма. Она является результатом всей его научной и педагогической деятельности в этой области. Поучительно сравнение содержания ранее напечатанных им статей с содержанием учебника. То, что было, можно сказать, «на черном» сформулировано в статьях, вышедших в последнее десятилетие жизни В. С. Сергеева, было им развито, отделано, уточнено, еще раз продумано и методологически усовершенствовано в учебнике. И, действительно, этот учебник оказался лучшим из всех изданных до того времени учебников по истории древней Греции. Он был лучшим по применению марксистской методологии, по последовательности и равномерности разработки разделов, по конкретности, яркости и занимательности изложения. Этот учебник, как известно, выдержал проверку временем и в новом издании успешно продолжает выполнять свои важные функции по обучению студентов и помощи в работе многочисленной армии учителей средней школы. В рецензиях на издание 1939 г. и на 2-е, посмертное издание 1948 г. отмечались отдельные недочеты и упущения, но, в основном, все были согласны с высокой оценкой этой выдающейся работы. Нет необходимости подробно останавливаться на содержании этой широко известной книги, можно только вкратце напомнить о ее достоинствах и недостатках. Особенно бросаются в глаза заслуги В. С. Сергеева в разработке разделов «Эгейский мир» и «Эллинизм». Эти недостаточно изученные разделы впервые в его учебнике получили вполне приемлемое освещение и достаточно подробно и последовательно изложены. В учебнике убедительно показана ошибочность «теории» Б. Л. Богаевского о матриархате и доклассовом уровне крито-микенского общества, пользовавшейся популярностью до того времени и затормозившей марксистскую разработку этого важного раздела древнейшей истории бассейна Эгейского моря. Дальнейшая разработка этого круга проблем вплоть до настоящего времени идет по пути, проложенному В. С. Сергеевым.

То же надо сказать и относительно эпохи эллинизма. Высказав еще в 1935 г. ряд интересных соображений об этом сложном историческом периоде, В. С. Сергеев развил и уточнил свою точку зрения и сформулировал ее в учебнике следующим образом: «В истории средиземноморских народов эллинистические государства представляли определенный этап общественного развития. Рабовладельческая основа сохранялась, но, наряду с рабским трудом, большое значение в сельском хозяйстве и ремесле приобретал труд полусвободных производителей типа римских колонов» (стр. 305). Не претендуя на полноту и достаточную точность определения, В. С. Сергеев тем не менее наметил и в данном вопросе путь дальнейшего изучения эллинизма. Остальные разделы учебника не касались столь существенных разногласий, как первый и последний, и были также последовательно изложены с марксистских позиций с обычной для В. С. Сергеева простотой, убедительностью и образностью стиля. В учебнике имелся и ряд недостатков. Особенно остро ощущалось отсутствие раздела по источникам коведению и историографии, недостаточное внимание было уделено истории нашей Родины в античную эпоху. Вызывали сомнение неточные формулировки и досадные опечатки. Недостатком книги являлось также отсутствие заключения. Учебник буквально обрывался на кратком изложении эллинистической религии. Однако еще раз следует повторить, что достоинства учебника значительно превышали имевшиеся в нем недочеты¹.

Последней работой В. С. Сергеева был очерк «Дипломатия в древние века», которым открывается I том «Истории дипломатии», удостоенной Сталинской премии. Во введении к очерку В. С. Сергеев дает общую характеристику дипломатии древнего мира, как дипломатии рабовладельческих государств. Очерк состоит из трех глав: гл. I — Дип-

¹ Во 2-м (посмертном) издании учебника в 1948 г. под редакцией профессоров Н. А. Машкина и А. В. Мишулина основные недочеты были исправлены.

ломатия древнего Востока, гл. II — Дипломатия древней Греции и гл. III — Дипломатия древнего Рима. Мы, естественно, остановим свое внимание на второй и третьей главах.

Характеризуя движущие силы античной дипломатии, В. С. Сергеев отмечает, что «внешняя политика этих рабовладельческих государств-городов („полисов“) определялась интересами борьбы за расширение территорий, за приобретение рабов, за рынки. Отсюда вытекали: стремление к гегемонии, поиски союзников, образование группировок, колониальная экспансия» (стр. 15—16). В. С. Сергеев перечисляет виды международных связей в древней Греции, составными элементами которых были: во-первых, древнейшая форма международных связей в Греции — «проксения»; во-вторых, столь же древний институт — «амфикиония». Указывая на исключительную роль дельфийского жречества в международных вопросах, В. С. Сергеев подчеркивает, что «сила жречества заключалась не только в его духовном, но и в материальном влиянии. Дельфы обладали огромными капиталами, образовавшимися из взносов городов, из доходов от массы паломников, от храмовых ярмарок и ростовщических сделок» (стр. 37). «Третьим видом международных связей Греции были договоры и военно-политические союзы — „симмахии“» (стр. 37). В. С. Сергеев останавливается на характеристике Лакедемонской и Делосской симмахий, противоречия между которыми привели к общегреческой Пелопоннесской войне. Описав практику выбора и назначения послов, деятельности посольств и заключения договоров, отметив обилие формальностей при оформлении договора, связанных с воззрением на последний, как на магический акт, нарушение которого влечет гнев богов, В. С. Сергеев подробно останавливается на дипломатических отношениях классической Греции, особенно в период Пелопоннесской войны, вскрывая их материальные основы и объясняя внешние формы. Подробно остановившись на содержании и значении Никийского мира 421 г. до н. э., В. С. Сергеев подчеркивает незамеченные им в статье 1934 г. особенности этого соглашения как соглашения между временно примирившимися рабовладельцами, солидарными в вопросах подавления возможного восстания плотов. Интересно изложение дипломатических отношений второго периода Пелопоннесской войны: договоры Спарты с Персией о финансовой помощи в войне против Афин, искусная дипломатия малоазийского сатрапа Тиссаферна, действовавшего с целью ослабить обе греческие воюющие стороны. Высшим успехом этой персидской дипломатии, игравшей на раздорах в Греции, был Анталкидов мир 387 г. до н. э., который В. С. Сергеев справедливо характеризует как торжество персидской политики. Последняя часть главы посвящена греческой дипломатии в македонско-эллинистическую эпоху. Отметив дипломатию Филиппа II, В. С. Сергеев замечает, что «помимо личных качеств Филиппа, прирожденного политика и дипломата, успехи Македонии исторически объяснялись прогрессивным характером македонской политики. Стремление к созданию крупных государственных объединений вызывалось ростом производительных сил в Средиземноморском бассейне» (стр. 50). Дипломатия еще недостаточно изученной эпохи эллинизма в очерке набросана только общими штрихами. Этот существенный пробел в работе В. С. Сергеева, обусловленный неразработанностью истории эпохи, и до настоящего времени ждет своего заполнения.

Дипломатия древнего Рима посвящено немного места. В этом небольшом очерке В. С. Сергеев знакомит читателя с основными чертами римской дипломатии, с порядком заключения мира и объявления войны, с развитием понятий международного права, коллегией фециалов, посольствами. Он показывает, какое значение приобретает римская дипломатия, начиная со второй Пунической войны. В. С. Сергеев подчеркивает, что «дипломатия играла не меньшую роль, чем борьба оружием». Для иллюстрации этого положения он отмечает, как римляне сумели нейтрализовать опасный для них союз Ганнибала с Филиппом, сыграв на внутригреческих противоречиях и на соперничестве нумидийских царей. Это умение разведывать противников принесло Риму много побед. В. С. Сергеев всюду отмечает, что римляне умели не только разделять и ссорить враждебные им страны, но пользовались социальными противоречиями внутри этих стран, страхом правящих классов перед народными массами, создавали

из них свою опору, после чего, ослабленные рознью и внутренней изменой, эти страны и города становились более или менее легкой добычей римских завоевателей. Как наиболее яркие примеры В. С. Сергеев приводит победу Рима над Ахейским союзом и над Галлией. Для периода империи В. С. Сергеев наиболее подробно характеризует взаимоотношения Рима с Парфией и, в частности, соглашение, достигнутое при Нероне, по которому царь Армении получал свой венец из рук римского императора. Затрагивает он и отношения Рима с Китаем. Весьма интересна глава о «внутренней дипломатии» при империи, где описаны взаимоотношения провинциальных городов с Римом и посольства муниципалов к императорам, охарактеризованы типовые речи на различные темы. В заключение автор говорит о союзах, заключавшихся с варварами-федератами в конце империи. Надо отметить, что история древней дипломатии была В. С. Сергеевым написана впервые, и раньше соответственные факты, разбросанные среди различных глав общих трудов, ускользали от читателя и недостаточно ими осознавались.

Краткий обзор трудов В. С. Сергеева наглядно показывает его выдающиеся заслуги в области древней истории. Целый ряд положений по истории древней Греции и Рима, приведенных в настоящем обзоре, может показаться читателю настолько обычным, что у него, пожалуй, возникает вопрос: зачем было их приводить? Но все дело в том, что обычными они стали в значительной степени благодаря научным трудам В. С. Сергеева.

Е. М. Штаерман и Н. Н. Пикус

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ В. С. СЕРГЕЕВА

1922 год. Всемирно-исторические кризисы... ч. 5 — Европейские кризисы на заре XIX ст., М., Госиздат, 48 стр.

История древнего Рима. Культурно-исторический очерк в научно-популярном изложении, М., Госиздат, 241 стр.

Римский капитализм и сельское хозяйство. Научные известия, сборник I, экономика, история, право, М., Госиздат, стр. 148—185.

1924 год. Мировые кризисы, вып. 2 — Гражданская война в древнем Риме во II—I вв. до Р. Х., М., 240 стр.

Рабовладельческие общества. Учебная книга по истории древнего Рима, 2-е изд., М., Госиздат, 120 стр.

Рабовладельческие общества. Учебная книга по истории древнего Рима, 3-е изд., М., Госиздат, 119 стр.

1925 год. История древнего Рима, 2-е испр. и дополн. изд., М.—Л., 403 стр.

История Европы XIX—XX вв., ч. I, М.—Л., ОГИЗ, 300 стр.; ч. 2, М.—Л., ОГИЗ, 206 стр.

Рабовладельческие общества. Учебная книга по истории древнего Рима, 4-е изд., М.—Л., 195 стр.

1926 год. Феодализм и торговый капитализм в античном мире, под ред. П. Кушнера, М., 256 стр.

1927 год. История Европы XIX—XX вв., ч. 1, 2, 2-е перер. изд., М.—Л., Госиздат, 374 стр. (пособие для трудовой школы).

Кризис античного мира и христианская церковь (по поводу кн. П. Ф. Преображенского «Тертуллиан и Рим»), «Историк-марксист», 1927, кн. 6, стр. 227—235.

1929 год. Западная социология в период «высокого» и «организованного» капитализма (Критический обзор), «Историк-марксист», 1929, кн. 12, стр. 238—268.

1931 год. Эдуард Мейер (1855—1930 гг.), «Историк-марксист», т. 21, стр. 104—114.

1934 год. «Золотой век» Перикла, «Борьба классов», № 10, стр. 71—81.

Пелопоннесские войны, «Борьба классов», № 11, стр. 65—73.

История древней Греции, М.—Л., Соцгиз, 356 стр.

1935 год. Греция времен Гомера, «Борьба классов», № 1—2, стр. 166—175.

- Материалы по римской истории до Пунических войн, «История в средней школе», № 2, стр. 36—45.
- Материалы по Римской истории. Кризис республики, «История в средней школе», № 4, стр. 6—27.
- Материалы по Римской истории. Римская империя (за 500 лет ее существования), «История в средней школе», № 5, стр. 8—28.
- Объединение Средиземноморского бассейна под гегемонией Рима, «История в средней школе», №№ 2, 3, стр. 40—57 и 30—61.
- Революция рабов в Римской республике, «Борьба классов», № 6, стр. 50—69.
- Реформы братьев Гракхов, Горький, Облгиз, 15 стр.
- 1936 год. Гражданская война в Риме в конце республики (Гракхи), «Борьба классов», № 9, стр. 90—101.
- Христианство в древнем Риме, «Борьба классов», № 5, стр. 81—93.
- Эпоха военных диктатур конца Римской республики, «Борьба классов», № 8, стр. 85—97.
- 1937 год. Второй триумвират и падение Римской республики, ИЖ, № 9, стр. 63—76.
- Заговор Катилины, ИЖ, № 2, стр. 86—96.
- Триумвират и диктатура Юлия Цезаря, ИЖ, № 5, стр. 95—109.
- Программа по истории древнего Рима, М., МГУ, 22 стр.
- 1938 год. Очерки по истории древнего Рима. Учебное пособие для истфаков, М., Соцэкгиз, 1938, ч. 1, 372 стр.; ч. 2, 832 стр.
- Греческая мифология (консультация), ИЖ, № 4, стр. 118—122.
- О построении истории Рима в «Истории древнего мира», АН СССР (совместно с Н. А. Машкиным), ВДИ, № 3 (4), стр. 345—350.
- Очерки по истории поздне-римской империи, «Историк-марксист», кн. 3 (67), стр. 53—79.
- Очерки по истории поздне-римской империи. Римская империя в последнюю очередь ановский период (продолжение), «Историк-марксист», кн. 5(69), стр. 97—128.
- Принципат Августа, ИЖ, № 1, стр. 98—141.
- Принцепсы династии Клавдиев, ИЖ, № 6, стр. 87—99.
- Разложение рабовладельческой системы и начало колоната в Римской империи, ВДИ, № 3 (4), стр. 117—132.
- 1939 год. История древней Греции, М., Соцэкгиз, 400 стр.
- Эгейский мир, ИЖ, № 6, стр. 79—91.
- Греческая культура классического периода, Баку, 44 стр. (на азерб. яз.).
- 1940 год. Нариси з історії стародавнього Рима. Ч. 1 — Рим за царського періоду, Республіка, Київ, 315 стр.
- Принципат Тиберия, ВДИ, № 2 (11), стр. 78—95.
- Римская империя (последние Антонины и Северы), ИЖ, № 3, стр. 109—121.
- 1941 год. Дипломатия древнего Востока, в кн.: «История дипломатии», под ред. В. Потемкина, т. I, М., Соцэкгиз, гл. I, стр. 18—34.
- Дипломатия древней Греции, там же, гл. II, стр. 35—57.
- Дипломатия древнего Рима, там же, гл. III, стр. 58—88.
- История античного мира в средней школе. Рецензия на книгу «История древнего мира». Учебник для 5—6 кл. под ред. А. В. Мишулина, ИЖ, № 2, стр. 125—127.
- П о с м е р т н о е и з д а н и е.
- 1948 год. История древней Греции. Под ред. Н. А. Машкина и А. В. Мишулина. 2-е изд. (посмертное) испр. и дополн., М., Госполитиздат, 552 стр.

Составлено Научным кабинетом
Института истории АН СССР

П. Н. КУДРЯВЦЕВ КАК ИСТОРИК ДРЕВНЕГО МИРА

Один из видных историков 40—50-х гг. прошлого столетия, профессор Московского университета Петр Николаевич Кудрявцев (1816—1858) занимает почетное место в плеяде представителей кафедры всеобщей истории старейшего русского университета. Как и его учитель Т. Н. Грановский, Кудрявцев не был специалистом по древней истории в узком смысле слова. С большим основанием его можно отнести к медиевистам. Все же, как и большинство всеобщих историков Московского университета, он в своих научных трудах уделял истории древнего мира видное место.

Переломной эпохой в деле преподавания и изучения всеобщей истории вообще и древней истории, в частности, были конец 30-х и 40-е гг., когда на кафедру Московского университета вступили молодые, талантливые русские ученые — Д. Л. Крюков, Т. Н. Грановский, позднее П. Н. Кудрявцев. Д. Л. Крюков, опубликовавший любопытное и оригинальное исследование о религии патрищей и плебеев, читал курс по древней истории, вызывавший большой интерес слушателей. Деятельность этого выдающегося ученого рано оборвалась. После его смерти преподавание древней истории перешло к Т. Н. Грановскому, имевшему исключительные заслуги в деле преподавания всеобщей истории в университете и пользовавшемуся далеко выходящим за стены университетской аудитории культурно-общественным влиянием.

Ближайшим и любимым учеником Грановского был П. Н. Кудрявцев, который стал и его преемником по кафедре. Еще в студенческие годы Кудрявцев отличался редкой работоспособностью, серьезным и внимательным отношением к занятиям, глубоким изучением первоисточников. Попутно Кудрявцев увлекался и художественной литературой, выступая в качестве беллетриста под псевдонимом А. Нестроста. На этой почве у Кудрявцева завязались дружеские отношения с В. Г. Белинским, не прекращавшиеся до самой смерти великого критика—революционного демократа. Позднее Кудрявцев живо интересовался вопросами внешней политики и вел «иностранные обозрения» в «Русском вестнике», уделяя особое внимание национально-освободительному движению в Италии, направленному против реакционного австрийского юга. По своим общественно-политическим взглядам П. Н. Кудрявцев был буржуазным либералом, видным представителем передовых кругов московской профессуры 40—50 гг.

П. Н. Кудрявцев, считавшийся «западником», вовсе не склонен был преклоняться перед западноевропейскими учеными. Он вполне самостоятельно и нередко строго критически расценивал их труды. Не стеснялся он критиковать и признанные авторитеты. П. Н. Кудрявцев придавал огромное значение занятиям русских ученых вопросами всеобщей истории. Выступая горячим пропагандистом русской науки, он сто лет назад в предисловии к своей магистерской диссертации писал: «Между тем, конечно, не будет спорить против важности и даже необходимости самостоятельного изучения главных событий истории Запада и в нашем отечестве. Если нужно обосновать независимость наших собственных суждений в деле всеобщей истории, то достигнуть этого мы можем не иначе, как самостоятельным ее изучением. К тому же побуждают и успехи русской истории, сделанные ею особенно за последнее десятилетие. Они предполагают известную степень зрелости сознания, на которой исторические знания вообще становятся одною из первых умственных потребностей. Не забудем при этом, что для полноты исторического созерцания необходима сравнительная точка зрения, а она может быть приобретена лишь основательным знакомством, кроме отечественной истории, с прочими частями всеобщей истории человечества»¹. Пять лет спустя, разбирая магистерскую диссертацию своего ученика С. В. Ешевского об Аполлинарии Сидонии и с законной гордостью отмечая ее преимущества перед трудами зарубежных ученых, П. Н. Кудрявцев писал: «Нельзя иметь в руках лучшего доказательства, что изучение всеобщей истории поистине спешит у нас и начинает приносить

¹ П. Н. Кудрявцев, Судьба Италии от падения Западной римской империи до восстановления ее Карлом Великим, М., 1850, стр. III—IV.